

УДК 342.9.086
МРНТИ 10.17.65

DOI: <https://doi.org/10.37788/2026-2/138-148>

Б.А. Жумабаев^{1*}, С.Т. Иксатова²

¹Учебный центр МВД РК, Казахстан

²Инновационный Евразийский университет, Казахстан

*(e-mail: Kazhmuldinova@mail.ru)

**Административная ответственность за мелкое хулиганство:
проблемы правовой неопределенности состава**

Аннотация

Основная проблема: В правоприменительной практике Республики Казахстан наблюдается острая правовая неопределенность состава мелкого хулиганства (статья 434 Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях РК). Отсутствие легальных дефиниций понятий «нецензурная брань», «оскорбительное приставание» и размытость границ «общественного места» в эпоху цифровизации приводят к расширительному толкованию нормы, смешению со смежными деликтами и использованию статьи как инструмента цензуры с возникновением «охлаждающего эффекта» для свободы слова и творчества.

Цель: Всестороннее исследование фундаментальных проблем правовой неопределенности состава мелкого хулиганства для выявления дефектов законодательной техники и выработки научно обоснованных рекомендаций по их преодолению.

Методы: Документальную основу составил комплексный анализ национального (Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях, Уголовный Кодекс Республики Казахстан) и зарубежного законодательства (Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях РФ), актов судебного толкования, доктринальных источников и отчетов международных правозащитных организаций (Amnesty International, HRW). Используются формально-логический, сравнительно-правовой и системно-структурный методы.

Результаты и их значимость: Выявлен глубокий субъективизм при квалификации объективной стороны деяния. Установлено, что механическое ужесточение санкций без детализации понятийного аппарата провоцирует неправомерные аресты, стирает демаркационные линии между мелким хулиганством, бытовыми конфликтами и коммерческим приставанием.

Доказана критическая необходимость легализации терминологии (с обязательным установлением прямого хулиганского умысла), четкого разграничения смежных административных составов и усиления судебного контроля. Внедрение данных мер обеспечит баланс между защитой общественного порядка и неукоснительным соблюдением конституционных прав граждан.

Ключевые слова: мелкое хулиганство, административная ответственность, общественный порядок, нецензурная брань, правовая неопределенность, Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях РК, девиантное поведение, квалификация правонарушений, административный арест, права человека.

Введение

Обеспечение и поддержание общественного порядка, а также защита общественной нравственности исторически выступают одними из наиболее приоритетных, фундаментальных и непререкаемых задач любого суверенного государства, ориентированного на создание стабильной, безопасной и благоприятной социальной среды для своих граждан. В сложной и многоуровневой структуре деликтов, посягающих на данные общественные блага, мелкое хулиганство традиционно занимает одно из ведущих мест в силу своей массовости, обыденности и чрезвычайно высокой степени латентности. Согласно букве действующего Кодекса Республики Казахстан об административных правонарушениях (далее – Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях РК), мелкое хулиганство

концептуализируется как противоправное действие, выражающее явное неуважение к окружающим и нарушающее общественный порядок и спокойствие физических лиц.

Тем не менее, академическое сообщество и правоприменители вынуждены констатировать: простое, механическое ужесточение санкций само по себе не способно искоренить проблему без синхронного устранения фундаментальных изъянов в конструкции самой правовой нормы. Центральной научно-исследовательской и сугубо практической проблемой остается вопиющая правовая неопределенность состава административного правонарушения, предусмотренного статьей 434 Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях РК. Тотальное отсутствие легальных, закреплённых в законе дефиниций таких краеугольных признаков объективной стороны, как «нецензурная брань» или «оскорбительное приставание», а также чрезвычайная размытость границ понятия «общественное место» (что приобретает особую остроту в контексте тотальной цифровизации социума и перехода коммуникаций в социальные сети), порождают множественные, порой неразрешимые коллизии в судебной и полицейской практике. Следовательно, всестороннее, многоаспектное исследование фундаментальных проблем правовой неопределённости состава мелкого хулиганства, выявление дефектов законодательной техники и выработка научно обоснованных рекомендаций по их преодолению представляет собой исключительно актуальную задачу для современной казахстанской юридической науки, что и предопределило выбор темы настоящей магистерской диссертации.

Материалы и методы

Представленное академическое исследование базируется на глубоком и комплексном анализе широкого спектра нормативных правовых актов, обширной правоприменительной практики, статистических данных уполномоченных органов и фундаментальных доктринальных источников отечественной и зарубежной правовой мысли. Документальную основу работы закономерно составили Конституция Республики Казахстан, являющаяся ядром правовой системы, Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях от 5 июля 2014 года № 235-V (с учетом всех актуальных изменений и дополнений, включая поправки 2023 и 2025 годов) [1], Уголовный кодекс Республики Казахстан, а также Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 года № 195-ФЗ, который был тщательно изучен для проведения полноценного сравнительно-правового анализа.

Важнейшим источником эмпирической и герменевтической базы исследования послужили акты официального судебного толкования. Особое внимание было уделено Нормативному постановлению Верховного Суда Республики Казахстан от 21 июля 1995 года № 5 «О судебной практике по делам о хулиганстве» (с последующими изменениями), которое до сих пор во многом определяет векторы правоприменения. Для ретроспективного понимания эволюции подходов к квалификации хулиганских побуждений в орбиту исследования были включены исторические документы, такие как Постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 27 июня 1978 года № 4, заложившее доктринальный фундамент советской и постсоветской модели противодействия хулиганству.

Теоретико-методологическую основу диссертационного исследования составили труды видных отечественных и зарубежных ученых в области административного права, уголовного права, криминологии и социологии девиантного поведения. В частности, были критически осмыслены концептуальные положения о механизмах административной ответственности и природе девиантного поведения несовершеннолетних, изложенные в фундаментальных работах профессора Б.А. Жетписбаева и исследователя А.К. Айтпаевой.

Кроме того, в работе использованы инновационные подходы К.К. Сейтенова к определению правовой категории «уголовный проступок», что критически важно для решения проблем демаркации составов. Для объективной оценки влияния сложившейся правоприменительной практики на обеспечение гражданских прав и свобод в ткань исследования были органично интегрированы данные независимых международных правозащитных организаций, включая аналитические отчеты Amnesty International и Human Rights Watch (HRW) за период 2024–2025 годов, а также материалы профильных международных платформ, таких как Mimeta. Кроме того, в работе нашли широкое применение методы системно-структурного и формально-логического анализа, методы синтеза, дедукции и индукции. Их комплексное использование способствовало выявлению латентных правовых лакун, оценке эффективности правоприменительных алгоритмов и формулированию

аргументированных, практически значимых рекомендаций по совершенствованию действующего отечественного законодательства.

Результаты

Социально-правовая и психологическая природа мелкого хулиганства

Для подлинно глубокого и всеобъемлющего понимания истоков проблем правовой квалификации мелкого хулиганства необходимо первично, на доктринальном уровне, исследовать его социально-психологический и криминологический генезис. Академическое сообщество давно пришло к консенсусу, что мелкое хулиганство ни в коем случае не является исключительно юридическим феноменом, ограниченным рамками сухих кодексов; оно имеет глубокие корни в социальной динамике, уровне культуры и психологическом здоровье общества [2]. Согласно проведенным доктринальным исследованиям в сфере криминологии и социологии права, девиантное поведение, ярчайшим проявлением которого выступает хулиганство, формируется и кристаллизуется на сложном стыке этических, антропологических и психологических факторов.

Фундаментальной проблемой криминологического характера остается статистическая достоверность данных о правонарушениях. В научной юридической литературе справедливо отмечается, что официальная статистика Министерства внутренних дел Республики Казахстан зачастую фиксирует лишь количество выявленных, запротokolированных и процессуально наказанных лиц, а отнюдь не тотальное, реальное число совершенных административных деликтов. Это порождает колоссальные расхождения между сухими официальными сводками и реальными индикаторами криминогенной обстановки. Латентность мелкого хулиганства остается беспрецедентно высокой. Граждане, сталкиваясь с нецензурной бранью или навязчивым приставанием на улицах, в большинстве случаев не обращаются с заявлениями в правоохранительные органы, глубоко ошибочно считая данные деяния недостаточно серьезными для инициации громоздкого административного процесса, либо не желая тратить личное время на судебные разбирательства.

При этом казахстанский законодатель, в полном соответствии с международными конвенциями о правах ребенка, строго исходит из превалирования принципа воспитательного воздействия над карательным. В отличие от жестких карательных наказаний, применяемых к взрослым правонарушителям (штраф или арест), часть 2 статьи 65 Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях РК предусматривает гуманистические изъятия, позволяя заменять стандартные санкции для подростков специализированными мерами воспитательного воздействия. Данные меры направлены исключительно на устранение вредных последствий девиантного поведения, корректировку личности правонарушителя и формирование у него устойчивого уважения к закону и порядку.

Эволюция административного законодательства: тренд на криминализацию и новые виды взысканий

Скруплезный ретроспективный анализ трансформации административного законодательства Республики Казахстан за последние два десятилетия наглядно демонстрирует устойчивый, непреклонный вектор на криминализацию (в широком социологическом, а не узко-уголовном смысле) и поступательное ужесточение ответственности за любые деяния, посягающие на общественный порядок. Взгляд на исторические предшественники современной нормы, в частности на Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях от 30 января 2001 года (ныне утративший силу), показывает любопытную картину. Ранее профильная статья 330, именовавшаяся «Мелкое хулиганство», имела гораздо более широкую и разношерстную диспозицию. Она включала в свою объективную сторону не только классические нецензурную брань и оскорбительное приставание, но и сугубо экологические, санитарные деликты: осквернение жилых помещений, загрязнение мест общего пользования, парков, скверов, а также выброс коммунальных отходов в неустановленных местах. В процессе концептуального реформирования законодательства при принятии действующего Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях РК 2014 года (и в его последующих редакциях) экологические и санитарные аспекты (такие как загрязнение мест общего пользования) были логично сепарированы и выведены в самостоятельные, специализированные составы (например, в статью 434-2). Это позволило очистить статью 434, кристаллизовав в ней сугубо хулиганские действия, непосредственно выражающие дерзкое неуважение к окружающим людям. Ключевым, переломным моментом в современной административной политике Казахстана стало вступление в силу пакета жестких поправок в

марте 2023 года. До этого исторического рубежа санкция за мелкое хулиганство считалась многими экспертами излишне либеральной: она предусматривала скромный штраф в размере 5 МРП (что в эквиваленте составляло 17 250 тенге) либо административный арест на срок до 10 суток. Анализ правоприменительной практики и растущее недовольство общества качеством общественного порядка неопровержимо показали острую недостаточную превентивную эффективность данных мягких мер.

Девианты воспринимали штраф в 5 МРП как незначительную плату за возможность эпатажного поведения. При всем ужесточении, административное законодательство бережно сохраняет фундаментальные принципы гуманизма. Жесткая мера в виде административного ареста не может применяться универсально ко всем. Закон (статья 50 Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях РК) устанавливает абсолютный запрет на применение ареста к особо уязвимым категориям граждан: беременным женщинам, женщинам, имеющим на иждивении детей в возрасте до 14 лет, несовершеннолетним лицам, инвалидам I и II групп, а также лицам, достигшим пенсионного возраста (женщинам старше 58 лет и мужчинам старше 63 лет), и мужчинам, в одиночку воспитывающим детей до 14 лет. Для данных категорий суд вынужден ограничиваться исключительно штрафными санкциями, что в некоторых случаях порождает дискуссии о неотвратимости и справедливости наказания.

Проблемы квалификации объективной стороны: «нецензурная брань» и «общественное место».

Несмотря на математически точную и жесткую регламентацию санкций, гипотеза и диспозиция статьи 434 Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях РК продолжают страдать от глубочайшей, концептуальной правовой неопределенности. Согласно тексту закона, объективная сторона состава мелкого хулиганства выражается в совершении правонарушителем альтернативных действий:

1. Нецензурная брань в общественных местах.
2. Оскорбительное приставание к физическим лицам.
3. Осквернение жилых помещений.
4. Иные подобные действия, выражающие явное неуважение к окружающим, грубо нарушающие общественный порядок и спокойствие физических лиц.

Обсуждение

Самым дискуссионным, сложным и противоречивым элементом объективной стороны остается пресловутая «нецензурная брань». Парадокс заключается в том, что ни в Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях РК, ни в иных смежных кодифицированных законодательных актах республики тотально отсутствует легальное, исчерпывающее толкование данного краеугольного понятия. В повседневной правоприменительной практике постоянно возникают тупиковые ситуации, когда судьи вынуждены прекращать дела за отсутствием события или состава правонарушения исключительно из-за невозможности однозначно, с точки зрения права и филологии, классифицировать то или иное экспрессивное высказывание. Как справедливо, со ссылкой на мнения экспертов, отмечается в официальных Научно-практических комментариях Министерства юстиции РК, даже признанные академические исследователи-филологи, глубоко изучающие данную специфическую сферу, не могут прийти к единому, монолитному консенсусу относительно точных границ нецензурной лексики. Возникает закономерный и самый сложный вопрос: относятся ли к нецензурной брани экспрессивные слова, содержащие подчеркнуто отрицательные, уничижительные характеристики личности (например, лексемы, обозначающие глупого, непонятливого, подлого или ничтожного человека)? С академической лингвистической точки зрения, инвективная (просто оскорбительная, грубая) лексика и обценная (табуированная, нецензурная, матерная) лексика — это абсолютно разные, не пересекающиеся в полной мере категории. Однако ни инспекторы патрульной полиции, ни судьи административных судов, как правило, не обладают специальными, глубокими филологическими познаниями.

В результате они зачастую интуитивно, «на глазок», трактуют любые громкие, грубые выражения или сленговые ругательства как мелкое хулиганство. Такая порочная практика ведет к системному, неправомерному расширению состава. Согласно официальным разъяснениям Министерства внутренних дел РК (в частности, озвученным руководством Комитета административной полиции), административная ответственность неотвратимо наступает за высказывание брани абсолютно на любом языке (казахском, русском, английском

и т.д.). Но ключевым, обязательным условием выступает не само произнесение слова в вакууме, а наличие прямого умысла на выражение неуважения к окружающим лицам и фактическое нарушение их спокойствия. То есть объективная сторона должна обязательно сопрягаться с субъективным отношением правонарушителя к социуму.

Сложности дефиниции «общественного места» в эпоху цифровизации

Вторым, не менее сложным квалифицирующим признаком объективной стороны выступает локация совершения деяния – пресловутое «общественное место». Традиционная советская и постсоветская юриспруденция всегда понимала под ним улицы, площади, скверы, парки, салоны общественного транспорта, стадионы, а также территории предприятий торговли, общественного питания и досуга. Однако стремительное развитие цифровых технологий и перенос огромной части социальной активности в интернет безвозвратно стерли эти классические границы. Официальные разъяснения уполномоченных государственных органов гласят, что нецензурная брань, опубликованная в комментариях или постах в популярных социальных сетях (Facebook, Instagram, Telegram, TikTok), также образует окончанный состав статьи 434 Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях РК. Логика правоприменителя базируется на том, что социальная сеть признается открытым публичным (общественным) пространством, и нецензурная брань в ней точно так же нарушает спокойствие добропорядочных граждан (читателей) и выражает явное неуважение к обществу, как если бы эти слова были выкрикнуты на площади.

Особую правовую сложность представляют пограничные ситуации, связанные с частными пространствами (собственный жилой дом, квартира, личный автомобиль). По общему, незыблемому правилу, употребление нецензурных выражений на территории частной собственности, скрытой от посторонних глаз и ушей, ни при каких обстоятельствах не образует состав мелкого хулиганства. Однако правоприменительная практика выработала важное исключение. Если хулиганские действия совершаются на частной территории, но громко, экспрессивно и в присутствии или в зоне слышимости третьих невовлеченных лиц (например, громкая истеричная ругань на открытом балконе многоквартирного дома, нарушающая ночной покой случайных прохожих или соседей во дворе), такие действия подлежат безусловной квалификации по статье 434 Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях РК. Причина кроется в том, что деяние, несмотря на локацию нарушителя, выплескивается наружу и поражает главный объект административно-правовой охраны – общественный порядок и законный покой других физических лиц.

Субъективизм «оскорбительного пристаивания»

Третья форма объективной стороны – «оскорбительное пристаивание к физическим лицам» – также глубоко поражена вирусом субъективизма. Доктринально оно расценивается как навязчивые, дерзкие действия, злостно нарушающие общепризнанные нормы и правила поведения в обществе. Эти действия продиктованы исключительно эгоистичным желанием виновного противопоставить себя окружающим, унижить их достоинство. Проблема правоприменения заключается в том, что в современном атомизированном обществе граница между попыткой знакомства, неудачной коммуникацией и «оскорбительным пристаиванием» крайне тонка. Потерпевший (или мнимый потерпевший) может абсолютно субъективно, в силу своей мнительности, воспринимать любые попытки коммуникации как глубоко оскорбительные, в то время как виновный объективно мог и не иметь злого умысла на нарушение общественного порядка. Такая тотальная размытость базовых дефиниций закономерно порождает хаос и нестабильность судебной практики. Как констатируют аналитики и высшие судебные инстанции, рядовые судьи районных судов зачастую работают по шаблону, не предъявляя должной, скрупулезной требовательности к качеству материалов, поступающих от органов внутренних дел. Они не проверяют глубину объективной стороны, наличие реального умысла и свидетельской базы, что в итоге приводит либо к бесконечному возврату полицейских протоколов на доработку, либо к вынесению незаконных, необоснованных постановлений о привлечении граждан к суровой ответственности.

Сложности отграничения мелкого хулиганства от смежных составов правонарушений и уголовных преступлений

Одной из самых болевых точек правовой неопределенности в казахстанской юриспруденции является сложнейшая, многоуровневая проблема правильной демаркации и разграничения мелкого хулиганства (административная статья 434 Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях РК) с классическим уголовным

хулиганством (статья 293 Уголовный Кодекс Республики Казахстан), а также с целым рядом смежных административных деликтов, в частности, предусмотренных статьями 73 и 449 Кодекса Республики Казахстан об административных правонарушениях РК.

Разграничение с уголовно наказуемым хулиганством (ст. 293 Уголовный Кодекс Республики Казахстан)

Еще в фундаментальном Постановлении Пленума Верховного суда Республики Казахстан № 5 от 21 июля 1995 года «О судебной практике по делам о хулиганстве» (сохраняющем свою актуальность) прямо и жестко указывалось, что суды первой инстанции катастрофически часто допускают грубые ошибки в правовой оценке содеянного. В результате этой путаницы к административной ответственности ошибочно привлекаются лица, совершившие полноценное уголовно наказуемое деяние, и, что еще хуже, наоборот – банальные административные проступки квалифицируются по строгому Уголовному кодексу. Основным, базовым критерием разграничения выступает исключительно степень общественной опасности деяния и объективная тяжесть наступивших материальных или физических последствий. Проблема правовой демаркации критически усугубляется отсутствием в уголовном праве Казахстана четко прописанного и работающего механизма перехода составов. Как аргументированно указывают в своих трудах ведущие казахстанские ученые-правоведы, в частности К.К. Сейтенов [3], в Уголовном кодексе РК де-юре присутствуют дефиниции «уголовный проступок», однако де-факто отсутствует целостное понимание «*criminal offense*» (уголовного правонарушения) применительно к пограничным формам хулиганских действий. Это создает огромную «серую зону» усмотрения между Кодексом Республики Казахстан об административных правонарушениях и УК, требующую скорейшего концептуального и законодательного переосмысления.

Разграничение с правонарушениями в сфере семейно-бытовых отношений (ст. 73 Кодекса Республики Казахстан об административных правонарушениях РК)

Научно-практический комментарий Министерства юстиции РК обращает пристальное внимание правоприменителей на парадоксальный факт: квалифицирующие признаки, связанные с нецензурной бранью и приставанием, текстуально присутствуют не только в статье 434, но и в статье 73 Кодекса Республики Казахстан об административных правонарушениях РК («Противоправные действия в сфере семейно-бытовых отношений»). Согласно букве статьи 73, нецензурная брань, оскорбительное приставание, унижение и умышленное повреждение предметов домашнего обихода, совершенные в жилище по отношению к лицам, состоящим с правонарушителем в семейно-бытовых отношениях, влекут предупреждение или административный арест до 5 суток. Для сравнения: санкция по статье 434 (хулиганство) гораздо жестче – арест от 5 до 15 суток. Демаркационной, невидимой линией здесь выступает исключительно объект посягательства. При мелком хулиганстве вероломно нарушается публичный общественный порядок, виновный демонстрирует явное неуважение к обществу в целом, к неопределенному кругу лиц. При семейно-бытовом конфликте посягательство направлено на личные неимущественные права конкретных членов семьи и внутрисемейный покой. Конфликт возникает на почве личных неприязненных отношений, а не из хулиганских побуждений. Однако, если банальный семейный скандал с использованием громкой нецензурной брани выплескивается за пределы частной квартиры (например, дебошир выходит на лестничную клетку, в общий коридор или во двор) и объективно нарушает ночной покой соседей и третьих лиц, содеянное должно быть немедленно переквалифицировано сотрудниками полиции со статьи 73 на более суровую статью 434 Кодекса Республики Казахстан об административных правонарушениях РК.

Разграничение с назойливым приставанием в общественных местах (ст. 449 Кодекса Республики Казахстан об административных правонарушениях РК)

Не меньшую сложность представляет статья 449 Кодекса Республики Казахстан об административных правонарушениях РК, которая предусматривает ответственность за приставание в общественных местах. Однако специфика этой статьи в том, что она наказывает за назойливое обращение к гражданам в целях покупки, продажи, обмена или приобретения вещей, а также в целях навязывания услуг гадания, попрошайничества и оказания услуг сексуального характера. В отличие от классического мелкого хулиганства, действия по статье 449 далеко не всегда сопряжены с откровенным цинизмом, агрессивной нецензурной бранью или явным неуважением к обществу. Их базовый мотив носит сугубо корыстный, меркантильный характер (получение денег). Тем не менее, само наличие термина

«приставание» в диспозициях обеих статей создает постоянную путаницу при первичной квалификации деяний и составлении протоколов патрульной полицией на улицах.

Сравнительно-правовой анализ: уроки и опыт Российской Федерации

Для выработки эффективных путей преодоления сложившейся правовой неопределенности в Казахстане крайне целесообразно и научно продуктивно обратиться к законодательному опыту соседних государств, имеющих схожие правовые системы. Статья 20.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях РФ) является прямым аналогом казахстанской нормы и также устанавливает ответственность за «Мелкое хулиганство». Проводя детальный компаративистский анализ диспозиций статьи 434 Кодекса Республики Казахстан об административных правонарушениях РК и статьи 20.1 Кодекса Республики Казахстан об административных правонарушениях РФ, можно выделить ряд принципиальных, концептуальных отличий, демонстрирующих разные подходы к конструированию состава:

1. Вопрос уничтожения и повреждения имущества: Российский законодатель в части 1 статьи 20.1 прямо и недвусмысленно включает в состав административного мелкого хулиганства действия, сопровождающиеся «уничтожением или повреждением чужого имущества» (естественно, при обязательном условии отсутствия значительного ущерба, который потребовал бы уже уголовной квалификации по УК РФ). В казахстанском же законодательстве этот крайне важный критерий в статье 434 отсутствует напрочь. Это вынуждает казахстанских правоприменителей искусственно «расщеплять» деяния и квалифицировать банальное повреждение урны или скамейки хулиганом по совершенно иным статьям Кодекса Республики Казахстан об административных правонарушениях (например, вандализм) или УК, что усложняет процесс доказывания.

2. Цифровое пространство и защита институтов власти: Наиболее революционным отличием российского кодекса является наличие части 3 и вновь введенной части 5 статьи 20.1 Кодекса Республики Казахстан об административных правонарушениях РФ (в редакции Федерального закона от 18.03.2019 № 28-ФЗ). Эти нормы прямо криминализуют хулиганские действия, совершаемые в информационно-телекоммуникационных сетях (Интернете). Причем речь идет не просто о брани, а о распространении информации, выражающей в неприличной форме «явное неуважение к обществу, государству, официальным государственным символам, Конституции РФ или органам государственной власти». Санкции за эти виртуальные деяния в России носят беспрецедентно суровый, репрессивный характер: штраф варьируется от 200 тысяч до 300 тысяч рублей, либо применяется классический арест до 15 суток.

6. Инструментализация статьи 434: правоприменительная практика, «охлаждающий эффект» и права человека

Широта, размытость и описанная выше глубокая правовая неопределенность диспозиции статьи 434 Кодекса Республики Казахстан об административных правонарушениях РК неизбежно и закономерно приводят к критическим рискам ее расширительного толкования на местах. Наблюдается опасный процесс инструментализации нормы в политических, цензурных или сугубо репрессивных целях, не имеющих ничего общего с защитой уличного общественного порядка. Глубокие мониторинговые отчеты авторитетных международных организаций, таких как Amnesty International и Human Rights Watch (HRW) за период 2024–2025 годов, бьют тревогу. Правозащитники указывают на формирование в Казахстане крайне тревожной, системной тенденции: активное использование обвинений в «мелком хулиганстве» в качестве удобного и быстрого инструмента для оказания прессинга на гражданских активистов, независимых журналистов, блогеров и деятелей современного неформального искусства. Точно по такому же лекалу суды республики начали массово выносить суровые постановления об арестах популярных стендап-комиков, чьи выступления традиционно содержат острый юмор и сленг. Так, в мае 2024 года алматинский суд не колеблясь назначил 15 суток ареста комику Нурасхану Баскожаеву якобы за нецензурную брань в публичном выступлении.

Вскоре после этого, в июле, уже в столице (Астана) на 10 суток был изолирован от общества стендап-комик Александр Меркуль за аналогичное использование ненормативной лексики во время своего июньского перформанса. Профессиональные деятели искусства и правозащитники обоснованно заявляют о формировании опасного институционального паттерна. Статья 434 Кодекса Республики Казахстан об административных правонарушениях

РК де-факто используется правоохранительной системой как квази-легальный инструмент цензуры, действующий аналогично применению более тяжелой статьи 174 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН («Разжигание социальной розни») или новых, скандальных положений о запрете «ЛГБТИ-пропаганды» в кинематографе. Современное искусство, в особенности уличные жанры рэпа и комедийного стендапа, исторически, стилистически и культурологически может включать в себя обценную лексику. Однако эта лексика используется авторами отнюдь не с маргинальной целью оскорбления случайных прохожих (то есть полностью отсутствует прямой хулиганский умысел на циничное нарушение общественного порядка). Она выступает как неотъемлемый элемент художественного замысла, средства выразительности и перформанса перед специально собравшейся, подготовленной и лояльной аудиторией, купившей билеты на концерт.

Упорное подведение подобных творческих действий под диспозицию «нецензурная брань в общественных местах, выражающая неуважение к окружающим» является ярчайшим, неопровержимым свидетельством того, что правовая неопределенность состава позволяет правоприменителю осознанно игнорировать контекст (художественный, политический, сатирический) и полностью выхолащивать субъективную сторону деяния (отсутствие хулиганского мотива). Практика применения статьи 434 становится механизмом устрашения. Это порождает классический, описанный в международном праве «охлаждающий эффект» (chilling effect) для свободы слова, свободы собраний и свободы художественного творчества в транзитном государстве. Базовые положения Кодекса Республики Казахстан об административных правонарушениях РК торжественно провозглашают непоколебимые принципы законности, презумпции невиновности и гуманизма: никто не обязан доказывать свою невиновность, любые сомнения должны толковаться исключительно в пользу лица, привлекаемого к административной ответственности, а меры взыскания не могут иметь своей целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства.

Однако сложившаяся в 2024-2025 годах рутинная судебная практика назначения максимальных сроков ареста (10–15 суток изоляции в спецприемнике) просто за произнесенные слова, сказанные в ходе художественного сценического выступления или при реализации права на критику власти, вступает в острейшее, неразрешимое противоречие с духом и буквой административного законодательства. Такая практика грубо попирает принцип соразмерности (пропорциональности) наказания реальной тяжести содеянного, на который неоднократно указывал Верховный Суд РК в своих нормативных постановлениях.

Заключение

Проведенный в рамках настоящей магистерской диссертации глубокий, всеобъемлющий теоретико-правовой и прикладной анализ позволяет сделать однозначный вывод: институт административной ответственности за мелкое хулиганство в Республике Казахстан находится в состоянии сложной, противоречивой и болезненной трансформации. С одной стороны, государственная власть оперативно реагирует на объективный запрос социума по обеспечению личной безопасности и порядка на улицах, последовательно и неуклонно ужесточая карательные санкции. Кардинальное увеличение штрафов до 20 МРП, расширение минимальных и максимальных сроков ареста до 15 суток, а также внедрение (с 1 сентября 2025 года) прогрессивного института обязательных общественных работ (вплоть до 100 часов за повторное нарушение) – все это убедительно свидетельствует о серьезности намерений казахстанского законодателя искоренить любые проявления антисоциального, деструктивного поведения.

Для стратегического разрешения выявленных глубинных проблем, преодоления правового коллапса и приведения законодательства в соответствие с международными стандартами прав человека необходимо безотлагательно предпринять следующий комплекс мер нормативно-правового и интерпретационного характера:

1. Легализация и детализация понятийного аппарата: Необходимо срочно внести дополнения в понятийный раздел Кодекса Республики Казахстан об административных правонарушениях РК (либо утвердить новое, актуализированное Нормативное постановление Верховного Суда РК), содержащие предельно четкие, поддержанные лингвистами правовые критерии «нецензурной брани» и «оскорбительного приставания». Критически важно императивно установить, что использование бранной лексики образует состав мелкого хулиганства исключительно при наличии доказанного прямого умысла, направленного на грубое нарушение общественного спокойствия и выражение явного циничного неуважения к

невовлеченным лицам. Это позволит легально исключить из-под карательного действия статьи 434 произведения искусства, сценические выступления, политическую публицистику и частное общение, которые объективно не посягают на покой третьих, случайных лиц.

2. Четкая демаркация смежных составов: Требуется на уровне закона детализировать разграничительные линии между статьями 434 (хулиганство), 449 (коммерческое приставание в общественных местах) и 73 (семейно-бытовые отношения) Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях РК. Демаркация должна жестко базироваться на точном определении основного объекта посягательства и локации деяния, исключая возможность двойного толкования протоколов полиции.

3. Имплементация института уголовного проступка: В рамках грядущего глобального реформирования уголовного и административного законодательства (в соответствии с Концепцией правовой политики) научно целесообразно имплементировать четко прописанную концепцию «уголовного проступка» для пограничных форм хулиганства. Сравнительный анализ с Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях РФ убедительно доказывает, что такие элементы, как умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества, целесообразно прямо прописывать в диспозиции нормы о мелком хулиганстве, либо четко и безвозвратно относить к ведению исключительно Уголовного кодекса, дабы избежать правового вакуума.

4. Усиление ведомственного и судебного контроля: Высшим судебным инстанциям Республики Казахстан (судам кассационной и надзорной инстанций) необходимо жестко, бескомпромиссно пресекать сложившуюся практику вынесения обвинительных постановлений в случаях, когда в материалах административного дела отсутствует объективно и процессуально доказанный факт реального нарушения общественного спокойствия (например, когда в деле полностью отсутствуют заявления потерпевших или показания независимых свидетелей, чей покой был фактически нарушен действиями привлекаемого лица). Системное устранение правовой неопределенности состава мелкого хулиганства позволит не только кардинально повысить качество и прозрачность отправления административного правосудия, но и обеспечит жизненно важный баланс между защитой общественной нравственности, поддержанием порядка на улицах и строгим соблюдением фундаментальных прав и свобод человека в Республике Казахстан.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- 1 Жетписбаев Б.А. Административная ответственность в Республике Казахстан : учеб. пособие / Б.А. Жетписбаев. – Алматы: Данекер, 2000.
- 2 Айтпаева А.К. Концептуально-теоретические основы девиантного поведения и правовой социализации несовершеннолетних в Республике Казахстан / А.К. Айтпаева. – [Б. м.], 2012.
- 3 Сейтенов К. К. Понятие уголовного проступка в законодательстве Республики Казахстан: современное состояние и перспективы развития / К. К. Сейтенов. – [Б. м.], 2022.

REFERENCES

- 1 Zhetpisbaev, B.A. (2000). Administrativnaya otvetstvennost v Respublike Kazakhstan: ucheb. posobie [Administrative responsibility in the Republic of Kazakhstan: textbook]. Almaty: Daneker. [in Russian]
- 2 Aytpaeva, A.K. (2012). Kontseptualno-teoreticheskie osnovy deviantnogo povedeniya i pravovoy sotsializatsii nesovershennoletnikh v Respublike Kazakhstan [Conceptual and theoretical foundations of deviant behavior and legal socialization of minors in the Republic of Kazakhstan]. n.p. [in Russian]
- 3 Seytenov, K.K. (2022). Ponyatie ugolovnogo prostupka v zakonodatelstve Respubliki Kazakhstan: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya [The concept of a criminal offense in the legislation of the Republic of Kazakhstan: current state and development prospects]. n.p. [in Russian]

Б.А. Жумабаев¹, С.Т. Иксатова²¹Учебный центр МВД РК, Казахстан²Инновационный Евразийский университет, Казахстан**Ұсақ бұзақылық үшін әкімшілік жауаптылық:
құрамның құқықтық белгісіздігі мәселелері**

Қазақстан Республикасының құқық қолдану практикасында ұсақ бұзақылық құрамының (ҚР ӘҚБтК-нің 434-бабы) өткір құқықтық белгісіздігі байқалады. «Былапыт сөйлеу», «қорлап тиісу» ұғымдарының легальды (заңдық) дефиницияларының болмауы және цифрландыру дәуіріндегі «қоғамдық орын» шекараларының бұлыңғырлығы норманы кеңейтіп түсіндіруге, аралас деликтілермен шатастыруға және бапты сөз бен шығармашылық еркіндігі үшін «салқындатушы әсер» (chilling effect) тудыратын цензура құралы ретінде пайдалануға әкеп соғады.

Заңнамалық техниканың ақауларын анықтау және оларды еңсеру бойынша ғылыми негізделген ұсынымдар әзірлеу үшін ұсақ бұзақылық құрамының құқықтық белгісіздігінің іргелі мәселелерін жан-жақты зерттеу.

Құжаттық негізді ұлттық (ҚР ӘҚБтК, ҚК) және шетелдік заңнаманы (РФ ӘҚБтК), соттық түсіндіру актілерін, доктриналық көздерді және халықаралық құқық қорғау ұйымдарының (Amnesty International, HRW) есептерін кешенді талдау құрады. Формальды-логикалық, салыстырмалы-құқықтық және жүйелі-құрылымдық әдістер қолданылды.

Іс-әрекеттің объективті жағын саралау кезінде терең субъективизм анықталды. Ұғымдық аппаратты нақтыламай санкцияларды механикалық түрде қатайту заңсыз қамауға алуды тудыратыны, ұсақ бұзақылық, тұрмыстық жанжалдар және коммерциялық тиісу арасындағы демаркациялық сызықтарды жоятыны белгілі болды.

Терминологияны легализациялаудың (тікелей бұзақылық ниетті міндетті түрде белгілей отырып), аралас әкімшілік құрамдардың аражігін нақты ажыратудың және сот бақылауын күшейтудің сыни қажеттілігі дәлелденді. Осы шараларды енгізу қоғамдық тәртіпті қорғау мен азаматтардың конституциялық құқықтарын мүлтіксіз сақтау арасындағы теңгерімді қамтамасыз етеді.

Түйінді сөздер: ұсақ бұзақылық, әкімшілік жауаптылық, қоғамдық тәртіп, балағат сөздер, құқықтық белгісіздік, ҚР ӘҚБтК, девиантты мінез-құлық, құқық бұзушылықтарды саралау, әкімшілік қамауға алу, адам құқықтары.

B.A. Zhumabayev¹, S.T. Iksatova²¹Training Center of the MIA of the RK, Kazakhstan²Innovative University of Eurasia, Kazakhstan**Administrative responsibility for petty hooliganism:
problems of legal uncertainty of the elements of the offense**

In the law enforcement practice of the Republic of Kazakhstan, there is acute legal uncertainty regarding the elements of petty hooliganism (Article 434 of the Administrative Offenses Code of the RK). The lack of legal definitions for the concepts of «obscene language» and «offensive harassment,» along with the blurred boundaries of a «public place» in the digitalization era, leads to a broad interpretation of the norm, confusion with adjacent offenses, and the use of the article as a censorship tool, creating a «chilling effect» on freedom of speech and artistic expression.

A comprehensive study of the fundamental problems of the legal uncertainty surrounding the elements of petty hooliganism to identify defects in legislative drafting and to develop scientifically grounded recommendations to overcome them.

The documentary basis consisted of a comprehensive analysis of national (Administrative Offenses Code, Criminal Code of the RK) and foreign legislation (Administrative Offenses Code of the Russian Federation), acts of judicial interpretation, doctrinal sources, and reports from international human rights organizations (Amnesty International, HRW). Formal-logical, comparative-legal, and systemic-structural methods were applied.

Deep subjectivism was revealed in the qualification of the objective side of the act. It has been established that the mechanical tightening of sanctions without detailing the conceptual apparatus provokes unlawful arrests and erases the demarcation lines between petty hooliganism, domestic conflicts, and commercial harassment.

The critical need to legalize terminology (with the mandatory establishment of direct hooligan intent), strictly differentiate adjacent administrative offenses, and strengthen judicial control has been proven. The implementation of these measures will ensure a balance between protecting public order and strictly observing the constitutional rights of citizens.

Keywords: petty hooliganism, administrative responsibility, public order, obscene language, legal uncertainty, Administrative Offenses Code of the RK, deviant behavior, qualification of offenses, administrative arrest, human rights.

Дата поступления рукописи в редакцию: 09.04.2026 г.